

П. В. МАССАЛЬСКИЙ:

«СБЕРЕЧЬ ЗАВЕТЫ ВЕЛИКИХ»

— Павел Владимирович, Вас часто спрашивают о том, что значит МХАТ в Вашей жизни. Наверное, в полной мере ответить на этот вопрос невозможно: ведь вся Ваша жизнь связана с этим замечательным театром, который дорог нам своими традициями русского реалистического искусства, выдающимися личностями. И сейчас по-прежнему Вы в заботе о судьбе театра — выходя на сцену с неизменной чайкой на занавесе и обучая актерскому мастерству своих студентов, от которых, в общем, зависит будущее театра. Какими Вы хотели бы видеть Ваших учеников, когда они закончат школу-студию МХАТ и придут работать на родину для Вас сцену?

— Мне думается, что актер прежде всего должен воспитать в себе человека, непременно интеллигентного, все-сторонне образованного — гражданина, патриота, а быть в высоком смысле пропагандистом великого русского искусства. Лучше, чем Станиславский, не скажете: «Надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве».

Мне в своей жизни пришлось встречаться со многими великими людьми. С Федором Ивановичем Шаллиным — с его детьми я учился в гимназии. С Горьким. Мне посчастливилось работать со Станиславским и Немировичем-Данченко, видеть больших актеров и играть с ними на сцене. Что больше всего меня поражало в них и что их всех объединяло? Необычайная требовательность в искусстве.

Жизнь наша меняется. И новые поколения актеров, новая молодежь приходит в театр. Другая. Не та, которая была пятьдесят с лишним лет назад, когда пришел туда я. Другая... Я часто думаю, как многое, в сущности, переменилось, и мысленно сравниваю, каким был первый выпуск студии и какая теперь молодежь, решившая посвятить себя служению искусству. Пожалуй, больше всего я пожелал бы будущим актерам постоянной высокой требовательности к себе.

— Тарасова, Грибоз, Ливанов, Яниш... Художественный театр всегда славился актерами-личностями, дарованиями несравнимыми. И все же в этот театр ходили не только на Тарасову или Яниша. Все актеры — со званием и без них — составляли неделимое в высокое искусство МХАТа.

— Коллектив единомышленников, ансамбль актеров всегда был основой нашего театра. Об этом забывать не

следует. Иначе это драгоценное наше отличие от других театров утратится.

Мне не раз приходилось бывать с театром за границей и слышать от западных актеров восторженные отзывы о Художественном театре. Они поражались: «У нас есть звезды — один, два актера. У нас весь театр — созвездие».

Когда мы были на гастролях в Англии, наш «Вышний сад» смотрел Чаплин. После спектакля он пришел на сцену. Поздравил режиссера и всех актеров, участников постановки, и сказал: «Вы так играете, так живете на сцене, что, когда вы уходите за кулисы, мне интересно: а что происходит дальше, там, за сценой, в соседней комнате... Будто пьеса не кончилась. Жаль, нам такое не дано...»

— Меняются эпохи, актеры, зрители... Меняется театр. Велит театр — это всегда искусство для сегодняшнего. И актер может быть призван только при жизни. Потому часто приходится слышать, что, если бы сейчас на сцену вышел Ермолова или Качалов, они были бы другими. Справедливо ли это?

— Наверное, были бы другими... Знаете, когда слушаешь са по радио или в записи на пластинке, часто думаешь: разве бы теперь я так это читал? Помните, когда у нас в театре возобновляли «Три сестры», один из актеров, не заявлях в спектакле, спросил Немировича-Данченко: «Владимир Иванович, это не скучно сегодня?» «Это не может быть скучно», — ответил он. — Это будет современно, потому что современные актеры, актеры сегодняшнего дня играют в спектакле».

— Но не кажется ли Вам, что порой на современной сцене с классикой обращаются уж слишком вольно?

— К великому сожалению, такое явление существует.

Что значит современное прочтение классической пьесы? Если в своем романе Толстой хотел показать, что воскресение происходит, главным образом, в душе Нехлюдова, то наш театр, ставя

Он был создан ровно 80 лет назад и назван Художественно-Общедоступным театром. Все эти годы идея общедоступности, народности, выдвинутая его великими основателями К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, была смыслом существования МХАТа, ставшего национальной гордостью нашей страны. И разве можно теперь представить мировую культуру без завоеваний Художественного театра, так же, как без имен Пушкина и Гоголя, Мусоргского и Чайковского, Сурикова и Репина?..

спектакль, «перенес» это на образ Катюши Масловой. Я хочу сказать, что отношение к тем или иным образам может быть изменено, но менять партитуру того, что написали наши великие русские классики, я считаю просто неправомерным. Тех, кто решается на подобное святотатство, в старину называли печальным словом «кошунник».

Я стараюсь повторять об этом нашим студентам. Потому что знаю, как важно все это для становления актера. Если в актере заложен такой фундамент, то дальше он уверенно пойдет своей дорогой и никогда не станет марионеткой в руках режиссера.

— Так или иначе актер зависим. От драматургии, режиссуры...

— Да, и тем не менее я говорю своим ученикам: хорошо, когда в спектакле замечательные декорации, музыка, но без актера нет театра. Владимир Иванович Немирович-Данченко приводил такой пример: «4—5 человек взяли, разложили коврик и начали играть. И это уже театр. Но как должны играть эти актеры, чтобы заинтересовать народ!»

— Павел Владимирович, Вы один из артистов, кто сохранял и создавал традиции Художественного театра. И одна из них в том, что почти все выдающиеся мастера МХАТа, не покидая сцены, становились педагогами, считая долгом передать святыню своего театра новым поколениям актеров. Каковы Ваши педагогические принципы?

— Часто к нам в школу-студию приходят зарубежные актеры — и совсем молодые, и с именем. Приходит посмотреть наши занятия. И, знаете, почти всегда «та» молодежь, западная, завидует нашим студентам.

Мы, педагоги, стараемся создать в студии такую атмосферу, чтобы с первого и до последнего курса каждый студент чувствовал себя раскрепощенным, свободным. Иначе будущему актеру очень трудно найти себя, а нам — распознать природу его дарования. Раскрепощен-

ность, конечно, вовсе не значит развязность. И создать такую атмосферу — задача не из легких. Бывает так: приходит молодой человек, так сказать, белым листом. Мол, вот он — я, а Вы делайте из меня артиста. Такая точка зрения порочна. Пусть лучше человек в чем-то сомневается, ошибается, наша обязанность направить его по верному пути и помочь разобраться в том замечательном, но чрезвычайно трудном деле, которое он избрал.

Увы, жизнь наша складывается так, что всем нам очень некогда. И мы пропускаем многое. Это досадно. Чем глубже мы вникали бы во внутренний мир своих студентов, тем больше пожинали бы плодов. Я пытаюсь, по возможности, говорить с учениками о музыке, живописи, литературе... Но такая возможность приходит редко: уж слишком перегружены наши студенты разными дисциплинами.

Бывает в нашей практике и такое, с чем мы активно боремся. Переходит человек на третий курс и считает, что он уже вполне сложившийся мастер и все преодолел, не задумываясь вовсе, что артист учится всю свою жизнь. Даже для Станиславского это было так. Да, время идет вперед, выдвигает новые дарования. Но заветы основателей нашего театра забывать не стоит. Нельзя считать, что это было когда-то, а теперь устарело. Станиславский не придумал свою систему. Он «подсмотрел» ее у великих артистов.

— Превзойти рекорд курса на актерский факультет пока не удалось ни одному вузу. Как, должно быть, трудно открыть настоящий талант на приемных экзаменах. Бывают и ошибки?

— И нередко. Тому было немало примеров. Около двух тысяч человек приходит к нам держать экзамен. И как мучительно трудно, находясь в приемной комиссии, сделать правильный выбор!

Дело в том, что многие молодые люди относятся к профессии актера с какой-то

необыкновенной легкостью. Станиславский поругивал нас, начинающих актеров, когда был педагогом: «Почему вы считаете, что балерина должна готовить себя перед спектаклем, певцы обязаны распеваться, а драматический актер попил чаю в буфете, съел бутерброд и вышел на сцену?»

Наша профессия очень сложна. Сколько требуется сил, чтобы проникнуть в те образы, которые играешь, создаешь на сцене. Представить своего героя легче, а вот защитить его жизнью на сцене, да так, чтобы поверили в него зрители, — вот что трудно. Но в этом наше творчество. Зато какое ни с чем не сравнимое ощущение творческой радости испытывает актер, когда роль получилась... Но это никоим образом не дает ему права успокаиваться и признаваться себе в том, что превзошел все. Иначе художник умирает. Остается ремесленник. Пусть не такой уж плохой, но ремесленник.

Мы, старшее поколение, начинали в театре с народных сцен. Не с массовок, как почему-то принято говорить теперь, — я это слово категорически не принимаю. Так вот и в народных сценах, какой бы ни была роль — со словами или без слов, — мы старались создать художественный образ. К тому мы призывали. Мы, так нам советовали наши великие учителя, даже писали биографию того «бессловесного» персонажа, которого изображали. Тогда получался не безликий человек, а человек с биографией. И как самую высокую похвалу воспринимали мы слова наших наставников: «Запишите в журнал, как хорошо он отнесся к своей небольшой, незаметной роли и как это благотворно повлияло на постановку».

Я прошел долгий путь в театре — от начинающего до народного артиста. И я счастлив. Счастлив тем, что учился у Станиславского и Немировича-Данченко, что играл на одной сцене с нашими «великими стариками». Вот я здесь высказал свои соображения о том, что необходимо артисту. Но мне очень не хотелось бы, чтобы молодые мои коллеги восприняли мои замечания только лишь как слова старого актера. Ибо за всем этим — многолетний опыт на трудном и прекрасном поприще артиста Художественного театра.

Беседу вел
Т. МАРШКОВА.